

УДК 908(Кем.)

И.С. Соловенко

**ПРОБЛЕМЫ В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
КАК ФАКТОР РОСТА ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЁРОВ КУЗБАССА
ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ (1992–1999 гг.)***

Представлены проблемы в угольной промышленности Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям. Выделены как общие, так и региональные особенности кризисных явлений базовой отрасли. Показано их влияние на рост протестного движения шахтёров.

Ключевые слова: переход к рынку; угольная промышленность; Кузбасс; шахтёры; протесты.

Начиная со второй половины 1980-х гг. и вплоть до нынешних дней вопрос политической стабильности в жизни нашего государства является весьма актуальным. В отличие от 1980-х и 2000-х гг., в 1990-е гг. спокойствие в общественно-политическом развитии было напрямую связано с решением проблемы защиты трудовых прав граждан. В это время страну охватило мощное протестное движение, главной причиной которого являлась несвоевременная выплата заработной платы и пенсий. Большинство населения разочаровалось в либеральных идеях, хотело «порядка» и государственной заботы. Одной из главных действующих сил в протестном движении России являлись шахтёры, в том числе и Кузбасса. Высокая степень активности горняков ведущего угледобывающего региона стала следствием значительного осложнения социально-экономической обстановки в шахтёрских городах. Системная нестабильность, прежде всего, была порождена проблемами в угольной промышленности, которые нарастали с середины 1980-х гг. и к началу рассматриваемого периода существенно обострились [1. Л. 5]. С началом рыночных преобразований отрасль демонстрировала низкие производственные показатели, её поддержание требовало значительных государственных дотаций. Поэтому в условиях неоднородного перехода промышленных предприятий на рыночные рельсы развития угледобывающая отрасль оказалась в числе «экспериментальных». С этой целью горнякам предоставлялась широкая экономическая свобода, утверждалась рыночная конкуренция, в отрасль активно привлекался частный капитал и т. д. Большинство угольных объединений стали акционерными обществами и принялись самостоятельно строить свою внутреннюю и внешнюю стратегию экономического развития.

При этом либеральный подход в экономической политике Правительства РФ в первые годы рыночных преобразований широко поддерживался шахтёрами Кузбасса. Ещё в ходе забастовок 1989–1991 гг. требование экономической самостоятельности у них являлось центральным. Проведённые среди горняков в 1992 г. социологические опросы также показали, что идея приватизации предприятий находила поддержку большинства из них. Вместе с тем автор исследований П. Бизюков подчёркивал, что горняки не имели представления о её форме и сути [2]. Вскоре кузбасские шахтёры поняли, что собственниками они стали «формально, на бумаге» [3. Л. 42]. «Народная приватизация» дала лишь иллюзию участия трудовых коллективов в управлении предприятиями, а на самом деле сосредоточила реальные рычаги власти в руках небольшого числа высших управленцев. Неудивительно, что решения по таким ключевым вопросам, как, например, ликвидация шахты, фактически принимали директора, но не акционеры, как должно было быть по закону. В конце 1997 г. на высшем государственном уровне было принято важное решение о прямой конкурсной продаже угольных предприятий. Однако к этому времени долги государства и потребителей угля (большая часть которых имела государственную принадлежность) выросли до гигантских размеров, и избежать широкомасштабных протестов горняков не удалось.

Либеральные реформы пробуксовывали, так как идея приватизации угледобывающих предприятий серьёзно деформировалась в сознании шахтёров. В середине 1990-х гг. многие из них уже выступали за национализацию угольной промышленности, что дополнительно провоцировало социальную конфронтацию. Первое время против

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Кемеровской области, проект № 11-11-42009a/Т

более глубокой приватизации выступало и областное руководство [4. С. 68–70]. Отношение к приватизации на уровне региональной власти, а также шахтёрских коллективов стало меняться осенью 1998 г., когда параллельно с либеральными реформами появились признаки конструктивного вмешательства государства в экономическую жизнь. С 1999 г. частный угольный сектор стал демонстрировать лучшую динамику развития в сравнении с государственным [5. С. 135], одновременно наблюдался и спад протестной активности горняков.

Приватизация рассматривалась Правительством РФ как базовый элемент повышения эффективности промышленности [6. Л. 46]. Поэтому вплоть до осени 1998 г. оно всё больше уходило от решения шахтёрских проблем, считая снижение угледобычи вполне закономерным явлением, и объяснял это «перепроизводством угля». Реформирование угольной промышленности проводилось без какой-либо комплексной и долгосрочной федеральной программы. Неудивительно, что подобная программа отсутствовала и на региональном уровне [7. Л. 7]. Всё же на фоне ежегодного ухудшения положения в угольной промышленности и социальной сфере миллионов горняков российское Правительство было вынуждено предпринимать более решительные шаги по выходу из кризиса. С 1994 г. решение «шахтёрского вопроса» Кремль напрямую связал с реструктуризацией угольной промышленности – переходом на рентабельную работу угледобывающих компаний и отрасли в целом. Между тем процесс реструктуризации с первых дней осуществлялся без какой-либо опоры на научную мысль, представлял собой очередную реализацию запоздалых нормативно-правовых актов (в основном указов Президента РФ) и не поддерживался достаточным уровнем бюджетного финансирования. На региональном уровне программа реструктуризации появилась в 1995 г., когда отрасль уже серьёзно сотрясали экономические и социальные катаклизмы. Но даже в это время она была больше похожа на «программу выживания», так как финансовые средства, первоначально заложенные в ней, многократно урезались [7. Л. 15; 8. Л. 4].

Важно отметить, что при разработке программы реструктуризации угледобывающих предприятий не всегда привлекались главные участники процесса реформирования угольной отрасли – шахтёры и представляющие их профсоюзы [9]. Это изначально имело негативные последствия в восприятии рыночных преобразований со стороны рабочих шахт и разрезов. В таких условиях нару-

шалась обратная связь между Правительством РФ и работниками угледобывающих предприятий, создавались условия для коррупции, воровства и местничества. Отсутствие планомерной работы приводило к тому, что все важные решения по угольной отрасли и социальным вопросам принимались в кризисные моменты, когда горняки уже выдвигали радикальные экономические и политические требования.

Отсутствие целенаправленной политики Кремля по выводу отрасли из кризиса выразилось в нарушении её системы управления. В течение 1990-х гг. в структуре Правительства России отсутствовал какой-либо специальный орган, занимавшийся всеми вопросами развития угольной промышленности. Существование подобной ситуации во многом стало следствием давления международных экономических организаций, задействованных в реформировании угольной отрасли, на Правительство РФ. По вполне обоснованному мнению международных наблюдателей, госструктуры тормозили процесс приватизации, создавали условия для коррупции и т. д. [10. С. 192]. Вместе с тем не вызывает сомнения и то, что отсутствие специального органа не позволяло мобильно решать конкретные вопросы угольщиков, а также сковывало переговорный процесс между представителями Правительства и шахтёрами во время массовых акций протеста. Не показали достаточной эффективности в решении шахтёрских вопросов межведомственная комиссия по угольной промышленности, а также рабочие комитеты Кузбасса, которые в середине 1990-х гг. утратили свои представительные позиции.

Децентрализация управления угольной промышленностью и её стремительное реформирование привели к усилению проблем менеджмента шахт и разрезов. Руководители и инженерно-технические работники оказались не готовы к переходу на рыночные рельсы развития. Подавляющее большинство из них умело добывать уголь, но, в силу отсутствия необходимых экономических знаний, слабо представляло особенности функционирования рыночного хозяйства. Главный исполнительный орган страны явно недооценил существование кадровой проблемы. Наиболее заметным шагом в решении данного вопроса стал Указ Президента РФ № 774 «О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации», который появился 23 июля 1997 г. [11. С. 16], то есть был явно запоздалым. Неадекватной для индустриального региона с численностью населения 3 млн человек стала в 1998 г. квота по данной программе (104

человека) [11. С. 17]. Таким образом, подготовка эффективных управленческих кадров для отрасли была провалена.

Отсутствие эффективного управления выразилось в снижении фактически всех показателей производственной деятельности, утрате стимулов к труду, распространении воровства и коррупции, падении трудовой дисциплины и т. д. [12. Л. 19; 13. Л. 152–155; 14. Л. 89; 15. Л. 9]. Значительный урон угледобывающим предприятиям и непосредственно горнякам наносило нецелевое использование финансовых средств шахт, хищение государственных денег, мошенничество, превышение должностных полномочий отдельными директорами и другими должностными лицами [16. Л. 118; 17. Л. 125, 140, 173]. Многие факты указывают на тесную связь руководителей шахт и разрывов с представителями криминальных структур, построенную на общих коммерческих интересах и обыкновенном разворовывании бюджетных средств. Механизмы ухода денег из отрасли были отработаны до мелочей: невозврат выручки из заграничных банков, неоплата уже отгруженного угля, продажа через своего посредника и другие. Наиболее изворотливые руководители «прокручивали» деньги и умышленно банкротили предприятия. В этом им помогали «дыры» в законодательстве и слабая реакция прокуратуры. Попытки отдельных работников предприятий и организаций обратить внимание на злоупотребления руководителей часто для них заканчивались увольнениями [18].

В результате большинство угледобывающих предприятий Кузбасса уже весной 1992 г. имело разваленную систему управления [19. Л. 3]. Обстановка осложнялась отсутствием конкретных представителей кузбасских шахтёров на уровне Правительства, которое в это время не отказывалось от господдержки угольщиков. Сложившуюся в отрасли ситуацию ярко характеризуют слова Н.П. Трояна, заместителя технического директора ассоциации «Прокопьевскгидроуголь», высказанные 11 ноября 1992 г. на пленуме Прокопьевского теркома «Росуглепрофсоюза»: «В данное время мы переживаем безвластие. Угольной промышленностью не управляет никто... Нам нужны угольные генералы. Нужно пробивать вопрос финансирования, работать над программой» [20. Л. 4]. Между тем время «угольных генералов» безвозвратно прошло, они мало что могли решить в новых рыночных условиях. Потеря их авторитета выразилась в неярком участии в разрешении социально-трудовых конфликтов. Мало того, исследование показало и определённое инициирование со

стороны «угольных генералов» протестных выступлений шахтёров, благодаря которым предприятия надеялись получить дополнительные дотации из госбюджета. В целом, проблема низкой эффективности менеджмента сохраняла свою актуальность до конца рассматриваемого периода.

Как и любая другая реформа, реструктуризация требовала времени и значительных денежных средств, и они, действительно, закреплялись госбюджетом. Однако федеральная программа реструктуризации ни дня не финансировалась в полной мере с момента начала её реализации, несмотря на огромную финансовую поддержку угольных реформ в России со стороны международных экономических организаций, в первую очередь МБРР и МВФ. С каждым годом объём материальной господдержки стабильно снижался без какого-либо экономического обоснования. По данным угольных компаний Кузбасса, в 1997 г. на закрытие шахт требовалось 3149,9 млн (деноминированных) рублей. Фактически было выделено 543,7 млн рублей, то есть в пределах 15 % [21]. При этом почти половина средств господдержки шла на закрытие предприятий, оставшиеся деньги (по убыванию) направлялись на покрытие убытков, тарифное соглашение и социальную сферу [22. Л. 64]. Таким образом, забывалась не менее важная составляющая реструктуризации – техническое перевооружение.

Шахтерские деньги, несмотря на жёсткий контроль их использования со стороны МВФ и МБРР, растворялись из-за их нецелевого применения, существования всевозможных посреднических структур, неэффективной организации управления отраслью, отсутствия прозрачности в финансовой деятельности предприятий и многого другого. Отсутствие чётких и жёстких норм хозяйственного права порождало массовое воровство и коррупцию. В кризисный 1998 г. из 400 действовавших в Кузбассе посреднических фирм 121 не заплатила за отгруженный уголь, за посредниками числился долг в 26 млн рублей. Невозврат валютной выручки из-за рубежа составлял более 320 млн долларов [23].

Угольная промышленность являлась слабо проверяемой, поэтому оказалась в центре внимания преступников. Добычу, переработку и реализацию угля во многом контролировала организованная преступность. В Кузбассе, по данным оперативников, в 1998 г. около половины всего сбыта угля контролировали 14 преступных группировок. Криминальные лидеры оказывали реальное влияние на выбор экспортеров, формирование отпускных цен, распределение полученных средств и т.д.

В результате выручка за уголь прокручивалась в коммерческих структурах, вносилась в виде уставного капитала в частные предприятия или просто расхищалась. Руководители шахт боялись заключать прямые договоры, так как это угрожало их жизни. Правоохранительные органы не могли обеспечить им безопасность от постоянных посягательств членов организованной преступности. За несколько лет в регионе было совершено почти полтора десятка заказных покушений на убийство (удавшихся и неудавшихся) первых лиц угольных предприятий [24].

Результатом недостатка средств на техническое перевооружение и слабой производственной дисциплины стало повышение количества случаев производственного травматизма и аварийности. Многие архивные документы указывают на высокий уровень аварийности оборудования и механизмов на шахтах Кузнецкого края. Причём если в среднем по угледобывающим регионам России свой проектный ресурс работы исчерпали 80 % предприятий [25], то в Кузбассе данный показатель доходил до 90 % [26]. Шахтёры рисковали жизнью, работая на оборудовании отслужившем два-три гарантийных срока. На шахтах Прокопьевска только в 1995 г. погиб 21 человек, 240 были травмированы [7. Л. 10]. Кроме недофинансирования на высокие показатели аварийности влияло отставание отечественного горно-шахтного оборудования от зарубежных аналогов. В рассматриваемое время значительно ухудшилось качество поставляемого на угледобывающие предприятия Кузбасса машин и механизмов (конструктивные просчёты, брак изготовления) со стороны «Кузбассуглемаша» и «Анжеромаша» [27. Л. 17]. Высокий уровень аварийности осложнял процесс выполнения плана добычи угля.

К причинам, способствовавшим дестабилизации угольной отрасли в 1990-е гг., относится не продуманная ценовая политика. До июля 1993 г. цена на уголь регулировалась государством. Между тем в мае 1992 г. цена на уголь поднялась в пять раз, что заметно снизило его потребление на внутреннем рынке [19. Л. 33]. С июля 1993 г. был осуществлен переход на свободные цены на уголь и продукты его переработки. Несомненно, это был смелый и необходимый первый шаг на пути к перестройке угольной промышленности. Однако к этому времени резко возросли расходы на добычу и транспортировку угля вследствие роста цен на материально-технические ресурсы и железнодорожных тарифов. Надежды угольщиков на освобождение цен не оправдались: реальная выручка во втором полугодии 1993 г. оказалась даже ниже,

чем в первом полугодии, когда цены еще регулировались. Падение спроса в электроэнергетике и металлургии России и стран СНГ сдерживало возможности угледобывающих предприятий по повышению цен на свою продукцию [4. С. 31]. В Кузбассе с вводом свободных цен на уголь положение шахт и разрезов катастрофически ухудшилось. К 1996 г. почти все предприятия оказались банкротами. Шахты и разрезы имели громадную кредиторскую задолженность, на отдельных из них зарплата не выплачивалась по несколько месяцев [7. Л. 3]. В сложном положении оказались даже те предприятия, где производственные показатели имели положительную динамику. Работа таких предприятий по-прежнему была невозможна без государственных дотаций, которых катастрофически не хватало. В сентябре 1996 г. Шахурдин С.А., и. о. генерального директора АО «УК Прокопьевскуголь» отмечал: «Сегодня рыночная цена угля 130 тыс. рублей за тонну, а себестоимость 200–210 тыс., разница составляет 70 тыс., государство погашает только 14 тыс. В результате этой разницы вырос дефицит» [28. Л. 4]. Соответственно, увеличивая добычу, угольные предприятия ставили себя в ещё худшее положение, так как убытки с каждой тонны увеличивались.

Отсутствие единой политики в области продажи угля привело к положению, в котором цены на высококачественный кузнецкий уголь снижались на мировом рынке. Эффективность экспорта угля, прежде всего, снизилась за счёт увеличения издержек на услуги транспортных организаций [29]. В начале 1990-х гг. угольные компании Кузбасса экспортировали свою продукцию, как правило, ниже себестоимости [30. С. 187]. С 1992 по 1998 г. уровень тарифов динамично поднимался, увеличивалась ценовая диспропорция. К февралю 1997 г. железнодорожный тариф возрос в 22 тыс. раз, а уголь всего в 5 тыс. 400 раз [8. Л. 10]. Снижение экспорта угля являлось также результатом несоответствия качества угольной продукции требованиям зарубежных потребителей. До августа 1998 г. дополнительную прибыль от экспорта угля не позволял иметь «валютный коридор». В итоге, отсутствие единой политики в области продажи угля привело не только к потере рынков сбыта своей продукции за рубежом, но и к укреплению позиций иностранных конкурентов на внутреннем рынке [31. Л. 11]. «Гармония» интересов различных угледобывающих регионов и компаний не поддерживалась. Создание регулируемого рынка сбыта угля произошло только осенью 1998 г., благодаря организации угольного комитета при Правительстве Е.М. Примакова.

Социально-экономический коллапс, охвативший страну во время «шоковой терапии», в первую очередь ударил по индустриальным регионам России. Вполне закономерно, что в 1990-е гг. по экономическим показателям Кемеровская область уступала многим, в том числе соседним, регионам. В области наблюдалось существенное падение платежеспособного спроса населения. Кризис неплатежей заметно ухудшил финансовое положение угледобывающих предприятий. Наиболее негативным последствием для шахтёрской отрасли явилось падение производства в потребляющих уголь отраслях промышленности – металлургической и химической, которые для Кузбасса считались базовыми. В условиях кризиса неплатежей данные отрасли позволяли горнякам получать «живые» деньги. В то же время проблемы в металлургической и химической отраслях во многом стали следствием отсутствия крепких хозяйственных связей с предприятиями угольной промышленности [12. Л. 19]. Только в конце 1990-х гг., когда приватизация приобрела более глубокий характер, интеграционные процессы стали реальностью.

Финансовое положение угольных предприятий Кузбасса отягощали социальная сфера и убыточные подсобные хозяйства. Если нерентабельные подсобные хозяйства были ликвидированы быстро, то процесс передачи объектов социально-культурной сферы в собственность шахтёрских городов приобрёл затяжной характер, так как финансовые возможности последних были ограничены. Тем более бюджеты шахтёрских городов во многом формировались за счёт налоговых поступлений с предприятий угольной промышленности, которые теряли свою рентабельность и, соответственно, сокращали свои бюджетные отчисления. В итоге большинство объектов социально-культурной сферы оказались заброшены. Физическое и нравственное воспитание молодых шахтёрских кадров стало занимать последнее место в перечне задач администрации угледобывающих предприятий и органов местного самоуправления. Базовые шахты и разрезы уменьшали финансово-материальную помощь профессиональным училищам, что снизило качество подготовки молодых рабочих. Вместе с ростом задолженности по заработной плате проблемы профессиональной подготовки шахтёров определили высокую текучесть кадров в отрасли.

Процесс реформирования угольной промышленности могли поддержать инвестиции. Однако на российском уровне ни государство, ни частные предприниматели не обладали серьёзными воз-

можностями для капиталовложений. Несмотря на высокую оценку со стороны иностранцев отдельным месторождениям угля в Кузбассе (например, в Ерунаково), средствами рисковать они не хотели, так как были не уверены в политической и экономической стабильности в России [7. Л. 6]. Многие потенциальные инвесторы в это время переориентировались на более успешно развивающиеся отрасли топливно-энергетического комплекса – нефтяную и газовую промышленность. Дефицит инвестиций способствовал разрушению шахтостроительного комплекса, остановке строительства объектов отрасли, массовой ликвидации коксовых шахт и т. д.

Анализ источников и литературы показал, что, кроме вышеуказанных, причинами кризисной ситуации в угольной промышленности Кузбасса во время перехода к рынку являлись: разрушение геологической службы; сокращение оборотных средств; устаревшие технологии; отсутствие перемещения угледобывающих мощностей на новые места угольного бассейна; длительный монтаж лав; низкая эффективность транспортной системы, не позволявшая успешно связывать угледобывающие предприятия и потребителей угля; инженерные просчёты, допущенные при подготовке и эксплуатации очистного фронта; невыполнение разработанных мероприятий по организации устойчивой работы шахт; высокий уровень бартерного расчёта, определявший значительные закупочные цены на материалы, покупные и комплектующие изделия; высокие показатели временной нетрудоспособности; инфляция; неполное выполнение Правительством РФ взятых на себя социальных обязательств; забастовки и другие.

Таким образом, с 1992 по 1999 г. так и не была достигнута одна из главных целей реструктуризации – переход на рентабельную работу угледобывающих компаний и отрасли в целом. «Шоковая терапия» усугубила ситуацию в угольной промышленности. В рассматриваемый период добыча угля в Кузбассе снизилась со 120 до 109 млн тонн. При этом наибольший спад пришёлся на 1997 г. (94 млн тонн) [32. С. 513], который стал пиковым по количеству шахтёрских забастовок. В конце того года по числу убыточных предприятий угольная промышленность с показателем 66 % уступала только чёрной металлургии края [33. Л. 184]. В следующем году на шахтах региона произошло особо заметное падение всех технико-экономических показателей. «В связи с нищенской зарплатой резко упал жизненный уровень шахтёров, а отсюда и всего населения города. Угольные предприятия поставлены на грань вы-

живания», – отмечалось в «Постановлении чрезвычайного президиума Прокопьевского теркома Угленпрофсоюза» (20 мая 1999 г.), посвящённом анализу ситуации отрасли в 1998 г. [34. Л. 32]. Всё же наиболее убыточными в регионе оказались угольные предприятия г. Анжеро-Судженска [35. Л. 15; 36. Л. 1; 37. Л. 1; 38. Л. 1, 4], так как имели более длительный срок эксплуатации. Вполне закономерно, что в 1990-е гг. Анжеро-Судженск стал «столицей» бастующего Кузбасса. Наибольшую протестную мощь анжеро-судженские горняки показали в 1998 г. во время «рельсовых войн», когда в городе были закрыты три шахты из четырёх и одна из двух горно-обогатительных фабрик [39. С. 167].

В 1990-е гг. угледобывающие предприятия Кузбасса теряли свои конкурентные преимущества. Во-первых, экономико-географическое положение региона (прежде всего, более отдалённое расположение от европейской части России, где имелись важные потребители угля и морские порты) вынуждало нести дополнительные транспортные расходы, что отражалось на себестоимости продукции. Наиболее сложно угледобывающим предприятиям Кузбасса было конкурировать с шахтами Печорского угольного бассейна, которые географически и исторически находились в более выгодных условиях. Во-вторых, менеджмент главных потребителей угля, прежде всего металлургических предприятий европейской части России, сдержанно относился к шахтёрам Кузбасса, памятуя о забастовках 1989–1991 гг. В-третьих, в рассматриваемое время по основным экономическим показателям (особенно росту производительности труда) шахты Кузбасса заметно уступали предприятиям Печорского угольного бассейна [40]. Таким образом, на фоне позиции Правительства РФ о «перепроизводстве угля» и увеличении численности убыточных предприятий в угольной промышленности, кузбасские шахты оказались в числе первых в очереди на закрытие.

Проблемы в угледобыче закономерно обострили ситуацию в социальной сфере шахтёрских предприятий, городов и региона в целом. Многочисленные ошибки и просчёты, допущенные в ходе «шоковой терапии» и, непосредственно, реформирования угольной промышленности, привели к существенному ухудшению материального положения шахтёров, падению их социального престижа и статуса. Центральное место среди других важных проблем горняков занимали вопросы низкой заработной платы и её несвоевременной выплаты. Голод и лишения озлобляли рабочих, снижали уровень производительности труда. «Дожили до того, что на тормозок в шахту берут

хлеб мажут вареньем. Сколько даст угля после этого забойщик», – отмечали рабочие шахты «Ноградская» в феврале 1994 г. на профсоюзной конференции предприятий угольной промышленности г. Прокопьевска [41. Л. 16]. Если к маленькой зарплате шахтёры постепенно привыкли и какого-либо активного сопротивления с их стороны данная ситуация не вызывала, то несвоевременная выплата «кровно заработанных» стала основной причиной забастовок и других протестных акций. В начале 1998 г. из-за дефицита бюджета существенно увеличились объёмы задержки зарплаты всем работникам угольной промышленности. Задолженность по заработной плате на некоторых предприятиях угольной отрасли Кузбасса в этом году составляла более одного года [42. Л. 15]. В 1998 г. горняки неоднократно и открыто подчёркивали своё желание взяться за оружие в случае дальнейших промедлений выплаты «кровно заработанных» [43].

Низкий уровень зарплаты, её нерегулярная выплата, а также отсутствие серьёзных форм социальной поддержки населения привели к резкому обеднению «рабочей элиты». Выход из сложившегося положения шахтёры Кузбасса видели в усилении забастовочного движения, радикализации его форм и требований. Наиболее мощным протестное движение шахтёров Кузбасса было в 1997–1998 гг., то есть в годы наибольшего обострения проблем в угольной промышленности. Всероссийские «рельсовые войны» 1998 г., в которых приняли активное участие шахтёры многих угольных регионов, в том числе и Кузбасса, поставили под угрозу экономическую и национальную безопасность страны [44. С. 99]. Кремль был вынужден признать провалы политики реструктуризации угольной промышленности и провести корректировку социально-экономического курса.

Вместе с тем нельзя и преувеличивать влияние проблем угольной промышленности на разрастание протестного движения шахтёров Кузбасса во время перехода к рынку. Исследование показало, что ситуация в угольной отрасли рассматриваемого региона была хуже, чем, например, в Печорском угольном бассейне. В то же время до июля 1998 г. по уровню протестной активности шахтёры Кузнецкого края уступали своим коллегам из Воркуты и Инты [44. С. 108]. Следовательно, протестное движение горняков Кузбасса в 1990-е гг. сдерживалось влиянием других, малоизученных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 160. Д. 386.

2. Бизюков П. Шахтёры о себе: жить по-старому не хотим // Кузбасс. 1992. 28 янв.
3. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 324.
4. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов) / Е. Адаев, Л. Берсенева, И. Галкина и др. М., 2004.
5. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-10066. Оп. 1. Д. 365.
7. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 329.
8. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 334.
9. Постановление Совета представителей Независимого профсоюза горняков России от 21–22 июня 1997 г. // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.
10. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–99 гг.). М., 2001.
11. Президентская программа подготовки управленческих кадров в Кузбассе. Кемерово, 2004.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 160. Д. 387.
13. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-177. Оп. 26. Д. 78.
14. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 26. Д. 1.
15. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 26. Д. 696.
16. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 26. Д. 41.
17. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 26. Д. 103.
18. Воропаев Т. «Рельсовые войны» глазами регрессника // Кузнецкий край. 1998. 4 июня.
19. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 315.
20. Там же. Д. 316.
21. Сагара Д. Прокурор Кузбасса подал иск на Правительство // Кузнецкий край. 1998. 16 июля.
22. ГАКО. Ф. Р-1149. Оп. 1. Д. 1740.
23. Галкин А. Долгое эхо «рельсовой войны» // Финансовая Россия. 1998. 17 сент.
24. Бабаева С. «Генералы» угля живут отлично // Известия. 1998. 3 июля.
25. Постановление президиума Ростовского теркома Росуглепрофсоюза // Знамя шахтера (Новошахтинск, Ростовская область). 1998. 21 мая.
26. Письмо председателя профкома АО «Анжеромаш» Н.Д. Ефименко председателю рабочего комитета г. Анжеро-Судженска В.И. Фокину от 23.05.1997 г. // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.
27. ГАКО. Ф. Р-1149. Оп. 1. Д. 1729.
28. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 331.
29. Заявление Союза экспортёров угля Кузбасса // Кузбасс. 1992. 15 июля.
30. Тулеев А. Преодоление. Кемерово, 2009.
31. ГАРФ. Ф. 10104. Оп. 1. Д. 3.
32. Регионы России: Стат. сб.: в 2 т. / Госкомстат России. М., 2001. Т. 1.
33. РГАСПИ. Ф. -661. Оп. 1. Д. 268.
34. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 347.
35. Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Ф. 45. Оп. 1. Д. 568.
36. Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Д. 71.
37. Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Д. 115.
38. Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Д. 127.
39. Поздняков Г.С. История города Анжеро-Судженска. Анжеро-Судженск. 2003.
40. В. Эггардт: «Чем лучше мы работаем, тем меньше получаем» // Искра (Инта, Республика Коми). 1998. 26 марта.
41. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 320.
42. Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Ф. 110. Оп. 1. Д. 12.
43. Попок В. Стояние на Транссибе // Кузбасс. 1998. 21 мая.
44. Соловенко И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 году. Томск, 2011.